
Сквозь пелену
тысячелетий
Путь Волка и Лосося
Книга 1
Александр Простот

Александр Простот

Сквозь пелену тысячелетий

«Автор»
2026

Простот А.

Сквозь пелену тысячелетий / А. Простот — «Автор», 2026

Два племени. Одно — дети леса, охотники, живущие по законам тайги. Другое — дети реки, рыболовы, знающие силу воды. Они враждовали веками, не помня, с чего началось. Их ненависть была такой же древней, как сами горы.Но однажды на их земли пришла беда. Всадники в железных доспехах, несущие смерть и огонь. И перед лицом общей угрозы сын погибшего вождя и дочь врага вынуждены объединиться.Они разные. Он — волк, готовый рвать за своё. Она — лосось, умеющий идти против течения. Они — враги, у которых нет ничего общего, кроме отчаянной жажды защитить свой дом. Им предстоит пройти через предательство и потери, через кровь и огонь. Научиться доверять. Научиться любить. И создать союз, который изменит ход истории на тысячи лет вперёд.Это история о том, как из вражды рождается дружба. Как из камня — бронза. И как из двух разных народов рождается один.Путь Волка и Лосося начинается здесь.

© Простот А., 2026
© Автор, 2026

Александр Простот
Сквозь пелену тысячелетий

Глава 1.
Кровь и Кремень

Холодный уральский рассвет пробивался сквозь частокол вековых елей, превращая росу на папоротниках в россыпи алмазов. Саргат, затаив дыхание, лежал в сырой траве, чувствуя, как бьется его сердце – гулко, как барабан перед битвой. Пахло хвоей, влажной землей и звериной шкурой, накинутой на его плечи.

Перед ним, на просеке, пасся тур. Исполинский бык, воплощение мощи и дикой свободы. Его черная шкура дымилась на холоде, а размах рогов вызывал в памяти ветви древнего дуба. Охота была не просто добычей пропитания. Это был обряд. Испытание, после которого внук вождя Рода Серого Волка должен был стать мужем и воином.

— Дух зверя, отдай мне свою силу, а я возьму лишь то, что нужно для жизни моего рода, — прошептал Саргат, натягивая тетиву лука, смотанного из жил и упругой древесины тиса.

Полет стрелы с кремневым наконечником был стремителен и смертен. Но раненый тур – это буря. Рев, от которого стыла кровь, потряс лес. Саргат отскакивал, чувствуя на лице горячее дыхание разъяренного зверя. В глазах у него стоял не страх, а холодная ярость. Он вспомнил лицо отца, Тугарина, суровое и молчаливое. Вспомнил слова шамана Тайгая: «Сила волка не в клыках, а в единстве стаи. Но чтобы вести стаю, нужно сначала победить в одиночку».

Удар копья в шею добил быка. Теплая кровь брызнула на руки Саргата, и он впервые почувствовал ее вкус на губах – соленый, металлический, вкус жизни и смерти.

Тризна по туру была короткой. Пока сородичи разделывали тушу, вознося хвалы духу леса, из чащи вышли чужаки. Люди из рода Бурого Медведя, соседи, с которыми веками делили охотничьи угодья.

— Хорошая добыча, паренек, — сипло проговорил их старший, Борич, окидывая взглядом тушу. — Великовата для одного рода. Лес-то общий.

— Добыл в одиночку, по праву силы и удачи, — шагнул вперед Тугарин, отец Саргата. Его рука лежала на рукояти каменного тесака.

Завязался спор, гул голосов нарастал. Саргат, все еще с пылающими от напряжения щеками, смотрел на сверстников из чужого рода. Они сжимали копья, их глаза блестели. Он понял: еще миг – и кровь, пролитая для жизни, обернется кровью, пролитой из-за жадности.

Внезапно, Саргат подошел к туру и отрубил огромную, мясистую лопатку. С усилием поднял ее и протянул Боричу.

— Пусть мясо твоего рода будет так же обильно, дух леса щедр ко всем, кто чтит его законы, — голос Саргата прозвучал тверже, чем он ожидал.

Борич, удивленный, на мгновение замешкался, затем кивнул и взял дар. Напряжение спало. Чужаки, бормоча что-то, растворились в лесу.

Тугарин молча смотрел на сына. В его обычно строгих глазах Саргат увидел нечто новое – не одобрение, а размышление.

— Ты отдал часть своей славы, — тихо сказал отец. — Я сохранил кровь своих сородичей, — так же тихо ответил Саргат.

Тугарин медленно кивнул. В этом жесте было больше мудрости, чем во всех наставлениях шаманов. Но Саргат чувствовал: эта ссора – лишь первая ласточка. С юга, как предупреждал

Тайгай, дул новый ветер, несущий пепел и железо. И скоро не только за добычу, но и за саму землю под ногами придется стоять насмерть.

Этой ночью ему предстояло пройти обряд посвящения в пещере Медвежьей Горы. И он чувствовал, что это будет лишь началом долгого пути.

Глава 2.
Лик Медведицы

Стоя у подножия Медвежьей Горы, Саргат впервые за день почувствовал ледяную дрожь. Не от страха перед темнотой зевающей перед ним пещеры, а от благоговения. Воздух здесь был иным – густым, пахшим вековой пылью, влажным камнем и чем-то неуловимо древним, словно само время выдыхало ему навстречу. У входа, на грубо сложенном каменном алтаре, лежал огромный, пожелтевший от времени череп пещерного медведя. Пустые глазницы смотрели сквозь него, и Саргату показалось, что дух Хозяина Горы все еще здесь, сторожит свой покой.

Его мысли вернулись к недавней стычке. Дарованная лопатка тура не разрешила спор, а лишь отложила его. Жажда в глазах людей Бурого Медведя была опаснее их копий. «Сила волка не в клыках, а в единстве стаи...» — прошептал он слова Тайгая.

— Входи, ищущий имя. Оставь за спиной солнце, чтобы встретить рассвет в себе.

Тайгай возник из тени бесшумно, как филин. В руках он держал чашу из лиственницы, откуда струился едкий, дурманящий дымок полыни и багульника. Дым сливался с вечерним туманом, поднимающимся от реки, и казалось, что шаман стоит одной ногой в мире людей, а другой – в мире духов.

— Слушайте, духи леса! — его голос, хриплый и густой, как шум вековых кедров, заглушил шепот ветра. — Слушайте, духи гор! Предки, взирайте на нас! Сегодня мальчик Саргат уходит. Вернется ли он – мужчиной с новым именем, зависит от его сердца, его руки и вашей воли!

Саргат опустился на колени. Ком в горле мешал дышать. Он не боялся призраков или зверей в пещере. Его тревожила тяжесть взгляда отца, Тугарина, стоявшего позади круга сородичей. В этих глазах читалась не гордость, а суровая надежда. Надежда на то, что его сын станет тем, кто сможет удержать род от сползания в пучину междоусобиц перед лицом новой угрозы.

— Встань, — произнес Тайгай, и Саргат почувствовал, как дрожь в коленях сменилась стальной твердостью. Он поднялся. Рука шамана, холодная и жилистая, взяла его ладонь. Зазубренный кремневый нож блеснул в последних лучах солнца. Боль была острой и чистой. Капли крови, алая роса, упали на принесенный им каменный наконечник стрелы, добытый в первой охоте.

— Клянись, — просто сказал Тайгай.

Саргат взглянул на лица своего рода, на темнеющую чащу, на багровеющую полоску заката на западе.

— Клянусь духом этой реки и силой этих гор, — его голос звенел в вечернем воздухе, чистый и острый, как тот самый кремень. — Стать щитом для своего народа. Быть мечом, что отсечет голову змею, ползущему с юга. Объединить разрозненные рода, как воды малых ручьев сливаются в могучую реку. Или сложить голову в попытке.

Тайгай кивнул, и в его мудрых, слезящихся глазах мелькнула тень грядущих битв. Он видел не только юношу перед собой. Он видел зарево будущих горнов, где будет плавиться не только медь, но и воля многих племен.

— Иди. Ищи лик Великой Матери-Медведицы в глубине. Она даст тебе знак.

Саргат сделал шаг в темноту. За спиной остался мир света, звуков и людей. Впереди – лишь влажный камень под босыми ногами и зовущая, гнетущая тишина.

Он шел долго, ощупывая стены. И вдруг в полной тьме замер. Его пальцы наткнулись не на шершавый камень, а на нечто иное. Глубокие, уверенные линии, выбитые рукой древнего мастера. Он водил по ним пальцами, читая как слепец. Очертания лося, бегущего по кромке воды. Фигура человека с копьем. И над всем этим – огромная, могущественная фигура медведицы, стоящей на задних лапах. Лик Медведицы. Дух-покровитель, прародительница.

Саргат прижался лбом к холодному камню, к этому древнему образу. Он ждал озарения, видения, голосов.

Но вместо этого его пронзила простая и страшная мысль, ясная, как удар копья: «Чтобы объединить, нужно пожертвовать. Чтобы защитить, нужно стать сильнее. Сильнее, чем ты есть сейчас».

Он не знал, сколько просидел так. Но когда он наконец поднял голову, в темноте пещеры ему почудился неяркий свет. Лунный луч, пробившийся через какую-то расщелину сверху, упал на противоположную стену, освещая еще один рисунок. Схематичное изображение людей, держащихся за руки, образующих круг.

Круг. Союз.

Сердце Саргата учащенно забилось. Это и был знак. Не мистическое откровение, а простое указание пути. Пути, который будет стоить ему крови, пота и, возможно, жизни.

Он развернулся и пошел назад, навстречу свету костра и лицам своего племени. Мальчик, вошедший в пещеру, остался там, в темноте. Наружу выходил человек, несущий в себе тяжелое знание и еще более тяжелую клятву.

Тайгай, встретивший его у входа, молча посмотрел на него и медленно кивнул. Он все понял без слов.

— Завтра, — тихо сказал Саргат, глядя поверх голов соплеменников в сторону юга, откуда дул ветер. — Завтра все начнется.

Глава 3.

Ветер с Юга

Следующие дни после обряда прошли в странной, звенящей тишине. Саргат ходил по стойбищу, и на него смотрели иначе. Уважительнее, но и ожидающе, будто он был зажженным факелом в надвигающихся сумерках. Даже Тугарин, его отец, советовался с ним о расстановке дозоров, и в его голосе сквозило не отцовское снисхождение, а суровая оценка равного.

Именно Саргат, обходя границы угодий, первым почуял неладное. Он наткнулся на след — не олений и не медвежий. Это был отпечаток копыта некрупной, но выносливой лошади, подкованной неведомым ему способом. Рядом валялся обрывок веревки из сплетенного конского волоса, пахнущий дымом чужих костров — горьким и чужим.

— Конники, — мрачно констатировал Тугарин, разглядывая находку у вечернего костра. Старейшины перешептывались, их лица были серыми и напряженными. — Разведка. Значит, основные силы близко.

Тайгай, сидевший в стороне, бросил в огонь щепоть сушеных кореньев. Пламя вздрогнуло и позеленело. — Духи ветра приносят мне крики. Их много. Как саранча. Они несут с собой железо и голод. Их боги жаждут крови, а не молока.

Ночь никто не спал. Женщины спешно собирали пожитки, закапывали в тайниках зерно и священные реликвии — резных деревянных идолов, хранителей рода. Мужчины точили копья, проверяли тетивы. Саргат стоял на краю стойбища, вглядываясь в южную темноту. Он сжимал рукоять своего кремневого тесака, и ему казалось, что он детский, беспомощный против той стали, о которой шептались старики.

Они пришли на рассвете. Не с громом и криками, а с низким, нарастающим гулом, от которого дрожала земля. Потом из утреннего тумана вынырнули всадники. Казалось, им не было числа. Сидя на низкорослых, мохнатых лошадях, они казались единым существом — с кожистыми доспехами, кривыми саблями у пояса и маленькими, тугодумными луками в руках. Их лица были плоскими, скуластыми, а глаза с узкими прорезями смотрели на стойбище Серого Волка с холодным, хищным безразличием.

— ЩИТ! — заревел Тугарин, и воины рода, человек сорок, сомкнули строй, выставив вперед длинные копья.

Но против конницы это был плохой оплот. Кочевники не пошли в лобовую. Они, словно стая волков, разделились и понеслись вокруг, осыпая лесных людей тучей стрел. Свист рассекаемого воздуха смешался с криками раненых и ржанием коней.

Саргат, прикрываясь плетеным щитом, видел, как падают знакомые ему с детства люди. Он видел, как стрела с костяным наконечником впивается в шею молодого воина — и тот, захлебываясь кровью, падает на колени. Ярость закипала в нем, горячая и слепая. Он натянул лук, выпустил стрелу. Один из всадников, с перьями в волосах, вскрикнул и свалился с седла. Но на его место тут же выдвинулись двое других.

И тогда он увидел его. Вождь кочевников, высокий мужчина в кожаном панцире, с железным шлемом, украшенным волчьими клыками. Он, как буря, врезался в центр строя Серого Волка, его длинная, изогнутая сабля сверкала, рассекая копья и щиты. Он рвался прямо к Тугарину.

Отец Саргата стоял неколебимо, как дуб. Его тяжелый каменный топор с гулким стуком встретил удар сабли. И сломался.

Железо перерубило камень.

В этот миг Саргат, отбиваясь от другого наездника, увидел, как Тугарин на мгновение замер с обломком топорища в руке. И в этот миг кривая сабля вождя кочевников описала короткую, смертельную дугу и вошла ему под ребро.

Время для Саргата остановилось. Он не слышал больше ни криков, ни звона металла. Он видел только, как его отец, могучий Тугарин, медленно, словно под грузом невидимых гор, оседает на колени, а потом падает лицом в землю.

— ОТЕЦ!

Его крик был нечеловеческим. Он бросился вперед, не видя ничего вокруг, кроме фигуры убийцы. Но сильные руки сородичей схватили его, потащили назад, в чащу. Бой был проигран. Оставалось спасти тех, кого еще можно спасти.

Они отступали в лес, под прикрытием деревьев. Кочевники, добившись своего — захватив скот, пленных и добычу — не стали их преследовать. Им нужен был простор степей, а не темные, враждебные чащобы.

Саргат стоял на опушке, глядя на дымящееся стойбище. Там, на потревоженной земле, осталось лежать тело его отца. В ушах еще стоял тот самый, хлюпающий удар сабли о плоть и кость.

Он упал на колени. Тот самый обряд крови у пещеры казался теперь детской игрой. Он схватил горсть земли, смешанной с пеплом, и сжал ее так, что пальцы побелели.

Он не стал взывать к духам. Он не стал кричать. Его голос был тихим, хриплым, но в нем была сталь, выкованная в горниле горя и ненависти.

— Слушай, южный змей. Слушай, вождь в железном шлеме. Я, Саргат из Рода Серого Волка, клянусь тебе. Я найду тебя. Я отниму у тебя все. Твои стада, твоих воинов, твою жизнь. Я стану тенью у тебя за спиной и холодом в твоей груди. Клянусь кровью отца моего, Тугарина. Клянусь пеплом моего дома. Или мои кости сгниют в степи, но месть моя найдет тебя.

Он поднял голову. Его глаза, еще вчера полные юношеской неуверенности, теперь были похожи на два куска зимнего льда. Путь охотника закончился. Начинался путь воина.

Глава 4.

Видение в Каменном Чреве

Бежали они несколько дней, уходя все дальше в глушь, к подножию Дымчатых гор. Отряд поредел, раны воинов сочились сукровицей, а в глазах женщин и детей стояла пустота. Они нашли временное пристанище в заброшенном стойбище предков — несколько полуразвалившихся землянок, скрытых в распадке.

Саргат молчал. Его клятва мести была раскаленным железом в груди, выжигающим все остальное. Он видел, как сородичи поглядывают на него — не как на сына вождя, а как на того, кто остался за старшего. Но какая польза от его ярости против железных сабель и тучи стрел?

На третью ночь к нему подошел Тайгай. Лицо шамана было изможденным, но глаза горели тем же неукротимым внутренним огнем. — Твоя боль — как лесной пожар. Она может

спалить тебя самого, а может очистить землю для новой поросли. Но гореть ей в одиночку — бессмысленно. Иди. Иди туда, откуда мы пришли.

Саргат удивленно поднял на него взгляд. — К кочевникам? Один? Я готов! — Нет, — Тайгай покачал головой. — Не к ним. Ты не найдешь их один. Иди к Духам. Иди к святилищу у Быстрой Воды. Только там ты найдешь ответ. Что сильнее железа.

Путь до священной пещеры на реке Быстрая Вода занял день. Это было другое место, не то, где он проходил обряд инициации. Вход был узким, скрытым свисающими ветвями ив, и вел вниз, в холодное, сырое чрево земли. Воздух был тяжелым и густым, пахнущим глиной и тиной.

Саргат пробрался внутрь, держа в руке тлеющую лучину. Едкий дым щипал глаза. И тут огонь осветил стены.

Он ахнул.

Стены пещеры были испещрены рисунками. Не просто фигурами, а целой историей, выбитой рукой бесчисленных поколений. Здесь были мамонты с загнутыми бивнями, стада оленей, бегущие по несуществующим уже степям. Люди с луками, сходящиеся в схватке. И снова — огромная, как сама гора, медведица. Но на этот раз ее окружали не только люди ее рода, но и другие — люди с крючковатыми носами, «Люди Лосося», как их называли, их узнавали по особым татуировкам на лицах.

Сердце Саргата заколотилось. Он подошел ближе, водил пальцами по выбитым линиям. И вдруг понял, что видит не просто охоту или битву. Он видит союз. Видит, как два разных народа, изображенные разными символами, вместе строят ловушку для огромного зверя, вместе несут добычу.

«Объединить разрозненные рода, как воды малых ручьев...» — его собственная клятва прозвучала в его голове эхом.

Он потушил лучину, погрузившись в абсолютную, давящую темноту. Он сидел так, не зная сколько, отрешившись от всего, пытаясь услышать шепот духов. Но слышал только капли воды и стук собственного сердца.

И тогда видение пришло.

Оно было не извне, а изнутри, рождаясь из его собственной боли и памяти. Он снова увидел того всадника в железном шлеме. Увидел его лицо — жестокое и самодовольное. Увидел, как тот поднимает свою саблю, и за ним поднимается лес из таких же сабель — сотни, тысячи. Они надвигались на уральские леса, как стальная стена, сметая все на своем пути. Одинокий волк, даже самый яростный, был обречен быть растоптанным.

Потом картина переменилась. Он увидел себя. Но не одного. Рядом с ним стояли воины его рода. И к ним присоединялись другие — высокие, стройные люди с копьями, увенчанными резными головами лососей. Это были Люди Серебряного Лосося. И их было много. Вместе они образовывали не стену, а реку — живую, могучую, неудержимую. Река встретилась со стальной стеной, и стена не устояла, ее размыло, унесло течением.

Саргат открыл глаза. В темноте пещеры он видел лишь слабый отсвет от входа, но в его душе все было ясно, как в полдень. Ярость никуда не делась, но она обрела форму. Направление.

Он выполз из пещеры, ослепленный дневным светом. На берегу его ждал Тайгай, словно знал.

— Что ты видел, Саргат? — спросил шаман.

Саргат повернулся к нему. В его глазах больше не было потерянности. — Я видел, что один волк гибнет, а стая выживает. Но чтобы победить этого зверя, нужна не одна наша стая. — Он посмотрел на восток, туда, где, как он знал, лежали земли рода Серебряного Лосося, с которыми они враждовали из-за порогов на реке испокон веков. — Духи показали мне, что наш щит должен быть сплетен из двух разных ветвей. Я должен идти к ним.

Тайгай медленно кивнул, и в его глазах блеснула та самая тень грядущего, которую он видел во время клятвы. — Это путь. Путь не мести, а спасения. Но он опаснее стычки с кочевниками. Там тебя может ждать не железо, а старая ненависть. Готов ли ты нести не только оружие, но и слово мира в пасть недоверия?

— Я готов, — сказал Саргат, и в его голосе впервые прозвучала не юношеская горячность, а тяжелая решимость вождя. — Ради крови отца моего. Ради жизни моего рода. Я пойду к Людям Серебряного Лосося.

Глава 5.

Река Вражьей Крови

Путь на восток занял три дня. Саргат шел один, если не считать незримого присутствия духа отца и тяжелой ноши ответственности. Он пересекал знакомые тропы, но с каждым шагом входил во все более чужие земли. Воздух менялся, пахнул не хвоей и мхом, а ивой, влажным песком и чем-то острым, водорослевым. Это был запах Большой Реки — той самой, что дала имя их извечным соперникам.

Стоя на высоком берегу, Саргат смотрел на селение Людей Серебряного Лосося. Оно раскинулось на противоположном берегу, у подножия порогов. Пенные языки реки лизали темные камни, а за ними виднелись аккуратные полуземлянки с крышами из лосиных шкур, дымки очагов и частокол, украшенный резными головами тотемной рыбы. Это было богатое, сильное стойбище. И ему предстояло войти туда с пустыми руками, без даров, с единственным оружием — словом.

Его заметили почти сразу. С противоположного берега отчалила долбленая лодка-однодревка. В ней было трое воинов. Их тела были испещрены синими татуировками, изображавшими чешую и водовороты. Они молча наблюдали за ним, и их взгляды были остры, как гарпуны

— Заблудился, волчонок? — бросил один из них, когда лодка причалила. — Наши земли начинаются за этой водой. Убирайся, пока цел.

Саргат стоял прямо, опустив руку от рукояти ножа. — Я пришел не как охотник на твоей земле. Я пришел как посол. Мне нужна встреча с вашим вождем. Или с тем, кто сейчас держит копье рода.

Воины переглянулись. Идея, что волк пришел с речью, а не с клыками, была для них диковинной. — Сдай оружие, — приказал старший из них. — И следуй за нами. Попробуешь хоть тенью кривой стать — твою голову повесим на частокол.

Селение встретило его враждебным молчанием. Из полуземлянок выходили женщины, дети, старики. Они смотрели на него с ненавистью, рожденной памятью о старых стычках, украденных невестах, пролитой крови. Его провели к центральной площади, где горел костер и на резном деревянном троне сидел седовласый, но еще крепкий мужчина с лицом, испещренным морщинами, как картой прожитых лет. Это был Воймег, вождь Людей Серебряного Лосося. А рядом с ним...

Саргат на мгновение забыл о цели своего визита.

Рядом с Воймегом стояла девушка. Ее темные волосы были заплетены в тугие косы, перехваченные медными кольцами. На ней была короткая кожаная рубаха, не скрывающая гибкости стана, и штаны, заправленные в сапоги из нерпичьей шкуры. За спиной висел небольшой, изящный, но смертоносный на вид лук. Но больше всего Саргата поразили ее глаза — темные, как вода в омуте, и такие же бездонные, полные умного, оценивающего холода. Это была Лигети, дочь Воймега. Та самая воинственная княжна, чья отчаянная храбрость в стычках была легендой даже среди его рода.

— Волк пришел в лососевую кузню? — глухо проговорил Воймег. — Говори. И говори быстро. Мои воины нетерпеливы.

Саргат выпрямился, чувствуя на себе десятки ненавидящих взглядов. — Я пришел к вам не с угрозами, а с предупреждением. И с просьбой. С юга пришел новый враг. Всадники в железных доспехах, числом как листья в лесу. Они сожгли наше стойбище, убили моего отца, Тугарина, и угнали наш скот.

По толпе прошел недоверчивый ропот. Кто-то крикнул: — Скатертью им дорога к вам, волкам! Может, они и вас порешат, и нам работы меньше!

— Они не остановятся на нас! — голос Саргата прозвучал громко и четко, перекрывая шум. — Им нужны пастбища. Им нужны рабы. Им нужна вся земля! Они сожгли наш лес, а ваш тростник вспыхнет еще быстрее. После нас они придут за вами. Их железные сабли не различают, чью кровь проливать — волчью или лососиную.

Он сделал паузу, глядя прямо в холодные глаза Воймега. — Я предлагаю союз. Объединить наши копья. Вместе мы — сила. Поодиночке мы — добыча.

Наступила тишина, нарушаемая лишь треском костра и плеском реки. Старый вождь смотрел на него, и в его глазах боролись недоверие, гордость и трезвый расчет.

И тут вперед вышла Лигети. Ее шаг был бесшумным и грациозным. — Ты говоришь красиво, волк, — ее голос был низким и мелодичным, но в нем слышалась сталь. — Но слова — это дым. Где доказательства? Где твои раны от их железа?

Она подошла к нему так близко, что он почувствовал легкий запах дыма и полыни, исходящий от нее. Ее глаза изучали его лицо, его позу, застывшее в них горе. — Может, твое стойбище сожгли свои же в междоусобице? А ты приполз сюда, чтобы заманить нас в ловушку?

— Мои доказательства — это пепел моих домов и могила моего отца! — вырвалось у Саргата, и в его голосе вновь зазвенела неподдельная боль. — Я пришел сюда один, без оружия, отдав себя на вашу милость. Разве так приходят в засаду?

Их взгляды встретились. Два мира, два недоверия, две боли столкнулись в молчаливом поединке. Саргат видел, как в глубине ее холодных глаз что-то шевельнулось — не жалость, нет, но понимание. Понимание той же потери, той же угрозы.

— Отец, — тихо, но властно сказала Лигети, не отводя взгляда от Саргата. — Он либо величайший лжец среди волков. Либо он говорит правду. И если это правда... то его безумие — предложить союз — может быть нашим единственным спасением.

Она повернулась к нему. — Хорошо, волк. Допустим, мы верим тебе. Что ты предлагаешь?

Сердце Саргата учащенно забилось. Первый, самый опасный шаг был сделан. Хрупкий мост через реку вражды был перекинут. — Встречу. На нейтральной земле. У Старого Волокового Камня. Наши старейшины и ваши. Мы покажем раны, расскажем все, что знаем. И вместе решим, как быть с этой стальной чумой.

Воймег медленно поднялся с трона. Его лицо было непроницаемым. — Три дня, волк. Мы дадим тебе ответ через три дня. До тех пор... ты наш гость. — Он сделал ударение на последнем слове, и Саргат понял, что это больше похоже на плен.

Его увели в пустую полуземлянку у края стойбища и приставили охрану. Но пока его вели, он чувствовал на себе пристальный взгляд Лигети. Взгляд, в котором уже не было одной лишь ненависти, а жил жгучий, опасный интерес

Союз был еще призрачной надеждой. Но искра, способная разжечь его, уже была высечена

Книга 2:

Союз Крови и Металла

Глава 1.

Тень над Волоковым Камнем

Три дня в стойбище Людей Серебряного Лосося тянулись мучительно долго. Саргата не держали в клетке, но пространство его свободы ограничивалось краем селения. Он был

«гостем» под неусыпным взглядом стражей. Дети бросали в него камушки, женщины отворачивались, заслышав его шаги. Воздух был насыщен недоверием, густым, как бульон из старой кости.

Но были и другие взгляды. Взгляды старейшин, оценивающие и тяжелые. Взгляд Воймега, в котором угадывалась борьба между гордостью и страхом за свой народ. И взгляд Лигети.

Он встречал ее несколько раз. Она не подходила к нему, не заговаривала. Она просто наблюдала. Стояла у края реки, тренируясь с луком, или сидела на завалинке, точа наконечник гарпуна. Но Саргат чувствовал ее внимание на себе, как физическое прикосновение. Она изучала его, как изучают дикого зверя, пойманного в ловушку, пытаясь понять, насколько он опасен и можно ли его приручить.

На третий день за ним пришли. Двое воинов проводили его к дому Воймега. Внутри, в дымном полумраке, собрался совет. Кроме старого вождя и Лигети, здесь были седовласые старики с лицами, похожими на высохшие коряги, и дюжина самых уважаемых воинов.

— Мы совещались, волк, — начал Воймег, обводя собравшихся тяжелым взглядом. — И спорили. Многие считают, что твои слова — ложь, а твоя голова должна украсить наш частокол.

Саргат молчал, чувствуя, как сжимается сердце.

— Но, — вождь сделал паузу, — я стар. Я видел, как меняются течения рек и как приходят и уходят народы. И я видел страх в твоих глазах. Не перед нами. Перед чем-то большим. Мы пойдем на встречу у Волокового Камня. Но знай… — Он поднял палец, и его голос зазвенел сталью. — Один подозрительный взгляд, один неверный жест нашего человека — и твои сородичи не уйдут с той поляны. Мы придем во всеоружии.

Облегчение, хлынувшее на Саргата, было горьким и тревожным. Это был шанс, но висящий на волоске. — Вы приняли мудрое решение, Воймег. Не для моего рода, а для всех детей Уральских гор.

Лигети, стоявшая за спиной отца, молча кивнула. В ее глазах читалось то же самое напряженное ожидание.

Волоковой Камень был огромным валуном, отполированным ветрами и дождями до зеркального блеска, одиноко лежавшим на поляне между лесом и рекой. Место это считалось нейтральным испокон веков.

Люди Серого Волка пришли первыми. Их было меньше тридцати — старейшины, уцелевшие воины во главе с Тайгаем. Они стояли тесной группой, бледные, еще не оправившиеся от потерь, но с непогасшим огнем в глазах.

Когда из леса густой тенью вышли Люди Серебряного Лосося, воздух натянулся, как тетива. Их было больше. Они шли в полном боевом снаряжении, с копьями и луками в руках. Две стаи, веками ощетинившиеся друг на друга, теперь стояли в нескольких десятках шагов, разделенные лишь призраком общей беды.

Тайгай, опираясь на посох, вышел вперед . — Приветствую тебя, Воймег, у Быстрой Воды. Мы пришли не с копьями, а с открытыми ладонями. Хоть и с окровавленными.

Он взмахнул рукой, и несколько воинов из рода Серого Волка сняли повязки, обнажив страшные, еще не зажившие раны — глубокие порезы от сабель, рваные язвы от стрел.

— Посмотри на работу нового врага, — голос шамана был глухим и скорбным. — Их железо не щадит никого.

Воймег медленно подошел ближе, его воины сомкнулись за ним. Он внимательно разглядывал раны, его лицо оставалось непроницаемым, но губы плотно сжались.

И тут из толпы Людей Серебряного Лосося вышел молодой воин. — А может, это они сами себя порезали вашими же каменными ножами, чтобы разжалобить нас?! — крикнул он, и в его голосе звучала ядовитая насмешка.

Напряжение достигло пика. Руки сами потянулись к рукоятям оружия.

И тогда вперед шагнула Лигети. Она прошла мимо отца и остановилась посередине, между двумя враждебными стенами из людей.

— Хватит! — ее голос, чистый и резкий, как удар клинка, прорезал воздух. — Я видела их стойбище. Я была там на рассвете после набега. Я нюхала пепел их домов и видела следы конских копыт, которых раньше не знала. Я не верю волкам. Но я верю своим глазам. И мои глаза видят, что враг настоящий. И он сильнее нас обоих.

Она повернулась к своему сородичу-насмешнику. — Ты готов один встретить в степи отряд этих всадников? Иди, попробуй. Мы похороним тебя с почестями

Юноша потупился, бормоча что-то под нос.

Саргат смотрел на нее, и в его груди что-то перевернулось. Это была не просто воинственная девушка. Это была прирожденная вождь, видящая дальше сиюминутной обиды.

— Она говорит правду, — сказал он, выходя к ней. Они стояли теперь рядом, волк и лосось, перед лицом своих сомневающихся родов. — Они сильнее. Но у нас есть то, чего нет у них. Наша земля. Наши леса и реки. И наш гнев. Давайте направим его не друг на друга, а на общего врага.

Он протянул руку — не к Воймегу, а к Лигети.

Миг длился вечность. Все замерли, затаив дыхание. Затем Лигети медленно, не сводя с него глаз, положила свою ладонь на его. Ее рука была сильной, шершавой от лука и узловатой от жил, но в ее прикосновении была решимость.

— Союз, — громко сказала она, обводя взглядом оба рода. — Союз крови и стали. Нашей крови — против их стали.

Тайгай поднял посох к небу. — Да услышат духи гор! Да видят духи рек! Союз заключен!

И хотя в глазах многих еще тлели угли недоверия, первый, самый трудный шаг был сделан. Две реки, веками текшие порознь, начали медленно, неуверенно сливаться в одно русло. Предстояло еще все — выработка тактики, первая совместная битва. Но в тот день, у Волокового Камня, родилось нечто новое. Родилась надежда

Глава 2.

Первая охота волка и лосося

Совместный лагерь разбили на нейтральной полосе, в сосновом бору между владениями двух родов. Первые дни были полны молчаливого напряжения. Воины Серого Волка и Серебряного Лосося сидели у разных костров, ели из раздельных котлов, бросая друг на друга угрюмые взгляды. Язык их жестов и некоторых слов различался, и это непонимание лишь подпитывало старую вражду.

Саргат и Лигети стали живым мостом между двумя мирами. Они проводили долгие часы, склонившись над грубой картой, выцарапанной на утрамбованной земле. Он рисовал знакомые тропы лесов, она — извилистые протоки и броды реки.

— Они сильны в открытом поле, — Саргат тыкал пальцем в схему степей. — Их кони быстры. Но здесь, в лесу или в узком ущелье, они теряют свою силу.

— Река — наш союзник, — добавляла Лигети. — Мы можем подплыть незаметно на лодках. А вот здесь, — она провела линию по карте, — за порогами есть тихая заводь. Идеальное место для засады.

План родился сам собой, как рождается узор на льду. Они не будут ждать, пока кочевники снова нападут на их селения. Они выманят их в ловушку.

Небольшой отряд из самых быстрых и незаметных воинов обоих родов отправился в степь. Их задачей было напасть на дозор кочевников, сделать несколько выстрелов и отступать, изображая панику, ведя погоню к заранее выбранному ущелью.

Саргат и Лигети возглавили основные силы, укрывшиеся среди скал и деревьев над тропой. Сердце Саргата бешено колотилось. Он снова видел перед собой лицо всадника в железном шлеме, чувствовал запах гари и горячей крови. Но теперь рядом с ним стояла Лигети. Ее

лицо было спокойным, лишь легкое напряжение в уголках губ выдавало волнение. Она ловко и бесшумно натянула тетиву своего лука, вложив в нее стрелу с костяным наконечником.

И вот они услышали — сначала отдаленные крики, потом нарастающий гул копыт. Их сородичи, изображая бегство, влетели в ущелье. А за ними, как и надеялись, с гиканьем и свистом врезались всадники. Они были уверены в своей победе, в панике «лесных дикарей».

— Жди, — тихо прошептала Лигети, положив руку на локоть Саргата. Ее прикосновение было прохладным и твердым.

Она выждала, пока последний всадник не оказался в каменном мешке. — Теперь!

Это был не крик, а резкий, звенящий свист, который тут же подхватили десятки глоток.

И начался ад.

Со скал на всадников обрушился град камней и бревен. Кони вставали на дыбы, сбрасывая седоков. А с земли, из-за деревьев, в строй кочевников вонзились копья объединенного ополчения. Это была не битва в чистом поле, где кочевники имели преимущество. Это была резня.

Саргат, сжимая в руке боевой топор, бросился в гущу схватки. Он искал того, самого вождя. Но его нигде не было. Вместо этого его взгляд упал на одного из кочевников, который, в отличие от других, не метался в панике, а пытался организовать оборону, прикрываясь телом своего коня. Он был старше других, с умными, цепкими глазами, а на его поясе висел не сабельный клинок, а набор странных инструментов: молотки, щипцы, напильники.

«Кузнец», — мелькнуло в голове Саргата.

В это время один из воинов Лосося, разъяренный, занес над кузнецом копье. Саргат, не раздумывая, бросился вперед и отвел удар. — Взять его живым! — крикнул он. — Он нам нужен!

Лигети, которая уже выпустила несколько стрел, видя это, кивнула ему. Ее взгляд говорил: «Правильно».

Бой стих так же быстро, как и начался. Горстка уцелевших кочевников бежала, оставив в ущелье десятки тел, раненых коней и этого самого кузнеца, которого теперь крепко держали двое рослых воинов.

Победа была полной. Но когда Саргат смотрел на смешанные отряды своих и лососевых воинов, которые, тяжело дыша, опускали окровавленное оружие и впервые смотрели друг на друга не как на врагов, а как на товарищей по оружию, он понял: это была не просто военная удача.

Они сделали это. Вместе.

Он поймал взгляд Лигети через дымное поле боя. И впервые за долгое время на его губах дрогнуло подобие улыбки. Она в ответ медленно кивнула, и в ее глазах, обычно таких холодных, вспыхнул короткий, яркий огонек признания.

Победа была не только над врагом. Они одержали первую победу над собственной вековой враждой. И теперь у них был пленник, который, возможно, знал секрет силы их врагов.

Глава 3.

Язык Огня и Металла

Кузнеца, которого звали Кубрат, поместили в отдельную полуземлянку под усиленной охраной. Сначала старый мастер демонстрировал полное презрение. Он отворачивался от еды, не отвечал на вопросы, а его темные глаза, казалось, видели не своих пленителей, а что-то далекое, находящееся за гранью этого леса и этих «дикарей».

Саргат приказал обращаться с ним уважительно. Раны обработали, дали теплую одежду. Но это не помогало. Стену непонимания нужно было разрушить иначе.

На пятый день Саргат и Лигети вошли к нему вместе. Саргат положил на грубый деревянный стол перед Кубратом сломанный кинжал — один из трофеев, железный клинок с красивой узорчатой рукоятью.

— Мы можем разбить его на наконечники для стрел, — сказал Саргат. — Но это все равно, что резать мясо тупым камнем. Ты знаешь, как сделать его снова острым. Как сделать его сильным.

Кубрат даже не взглянул на клинок.

Тогда вперед вышла Лигети. Она молча положила рядом с кинжалом два предмета. Первый — изящный костяной гарпун ее рода, с тончайшей резьбой в виде чешуи. Второй — каменный наконечник топора Саргата, тяжелый и грозный.

— Мой народ знает реку, — тихо сказала она. — Его народ знает лес. Мы сильны. Но враг силен по-другому. Он принес с юга язык, которого мы не понимаем. Язык огня и металла. Ты — его переводчик.

Она посмотрела прямо на старого мастера, и в ее взгляде не было ни угрозы, ни мольбы. Было уважение к чужому знанию.

— Научи нас, — сказал Саргат. — Не для того, чтобы мы стали как они. А для того, чтобы мы могли защитить то, что наше. Наши леса. Наши реки. Наших богов.

Кубрат медленно поднял голову. Впервые его взгляд задержался на их лицах, изучая их. Он увидел не дикарей, а двух молодых вождей, отчаянно пытающихся спасти свой мир. Он увидел резной гарпун и каменный топор — символы двух культур, готовых учиться.

Он тяжело вздохнул и потянулся к сломанному кинжалу. Его пальцы, покрытые старыми ожогами, с любовью обхватили рукоять.

— Огонь, — хрипло проговорил он на ломаном, но понятном наречии лесных людей. — Нужен не просто огонь. Нужен дыхание огня. Нужны камни, что плачут медной слезой. И... уголь. Черный камень, что горит жарче любого дерева.

Сердце Саргата учащенно забилось. Он обменялся взглядом с Лигети. В ее глазах горел тот же огонь — огонь открытия.

— Покажи нам, — попросил Саргат. — Мы дадим тебе все, что нужно.

Работа закипела на окраине лагеря. Под руководством Кубрата соорудили примитивный глиняный горн — печь для плавки металла. Воины обоих родов, забыв на время о распрях, таскали дрова, искали по руслам рек зеленоватые камни малахита — ту самую «медную слезу». Саргат вспомнил рассказы стариков о «горящих черных камнях» и отправил группу к обрывистым берегам, где в пластах породы находили бурый уголь.

Первый опыт был неудачным. Огонь в горне был недостаточно сильным, медь не плавилась, а лишь коробилась. Воины начали роптать, поглядывая на Кубрата с подозрением.

— Я же говорил, — хмуро бормотал один из старейшин Серого Волка. — Чужак водит нас за нос.

Но Саргат и Лигети не сдавались. Они сами часами не отходили от горна, работая мехами — кожаными мешками, нагнетавшими воздух. Их лица были черны от сажи, руки в мозолях.

И вот однажды ночью, когда усталые воины уже разошлись по своим шалашам, а у горна остались лишь они трое — Саргат, Лигети и Кубрат — произошло чудо.

В раскаленном горне, среди углей, что-то блеснуло. Не просто красный уголек, а ярко-алый, жидкий, как вода, свет.

— Льется! — воскликнул Кубрат, и в его голосе впервые прозвучала неподдельная радость мастера. — Смотрите! Льется медная кровь земли!

Они замерли, завороженные, глядя на струйку расплавленного металла, заполнявшую глиняную литейную форму — простейший кинжал.

Когда металл остыл, Кубрат щипцами извлек из формы слиток. Это был еще не клинок, а лишь грубая заготовка, но она была из металла. Из меди, рожденной их собственным трудом.

Саргат взял ее в руки. Она была тяжелой, теплой и невероятно прочной по сравнению с камнем.

Он посмотрел на Лигети. Ее лицо, испачканное сажей, светилось в отблесках догорающего горна. Она улыбалась — широко, по-настоящему, и в этой улыбке не осталось и тени прежней холодной воительницы.

— Теперь мы понимаем их язык, — тихо сказал Саргат, сжимая в руке медный слиток. — Но мы напишем на нем свою собственную песню.

В ту ночь у огня родился не просто первый металл. Родилось новое знание. И родилось нечто большее между двумя вождями, чьи руки соприкоснулись в общем труде, пахнущем дымом и будущим.

Глава 4.

Жила Каменной Крови

Медный кинжал, пусть и грубый, стал символом новой эры. Но один слиток, выплавленный с таким трудом, не мог вооружить всех воинов. Нужен был источник. Нужен был рудник.

Кубрат, чей статус изменился с пленника на почетного учителя, лишь разводил руками. — Камни, что плачут медью, не валяются под ногами. Их нужно искать. Чуять землю.

И тут Тайгай, до этого времени наблюдавший молча, выступил вперед. Он принес берестяной свиток, на котором потускневшей охрой были нанесены причудливые знаки — карта окрестностей, известная лишь шаманам.

— Духи камня не молчат. Они кричат в местах силы, — его старческий палец ткнул в точку к северо-востоку от их лагеря, в предгорья. — Здесь, у Подножья Спящего Великана, земля издревле истекала рыжей слезой. Предки приходили туда за священной краской для обрядов. Но нам нужно не лицо раскрашивать, а копья ковать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.